

КИСЕЛЕВ СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ

Сергей Борисович Киселев
1954–2010

Родился в 1954 году во Львове, с 1971 по 1977 гг. учился в Московском архитектурном институте, с 1973 по 1988 год – сотрудник ГИПРОНИИ АН СССР, в 1988 году открыл независимую практику.

Генеральный директор ООО «Архитектурная мастерская «Сергей Киселев и Партнеры».

Член-корреспондент Российской академии художеств, советник Российской академии архитектуры и строительных наук, Профессор Международной Академии архитектуры, член-корр. отделения Международной Академии архитектуры в Москве, член Архитектурного совета Москвы, Лауреат смотров Московской архитектуры 1995-1997, 1998-1999, 2000, 2001. Лауреат смотра-конкурса на лучшее архитектурное произведение «золотое сечение» 1997, 2006.

Лауреат конкурса Правительства Москвы на лучшую реставрацию, реконструкцию, воссоздание памятников архитектуры и других объектов историко-градостроительной среды 1999.

Фрагменты из интервью Сергея Киселева 2000 г.

«...Вспоминая учебу в Архитектурном, вижу, что мной предпринимались постоянные попытки как-то выделиться. Если вспомнить все курсовое проектирование, то оно тем или иным образом было связано то ли с выпендрежем, то ли с попытками сделать что-нибудь такое, чего сам еще не видел. Например, город на сто тысяч жителей... состоящий из одной улицы шириной в Ленинский проспект. Самой нахальной была экспозиция для международного конкурса на тему «Жилище в краткий срок», посвященного очередному конгрессу Международного союза архитекторов в Мадриде. Я сделал экспозицию на трехметровых подрамниках, поставленных по диагонали на три угла (два сзади, а главный перед ними). Это решение логично вытекало из концепции экспозиции в аксонометрии, которая плотно занимала всю экспозиционную площадь. Там был макетик из пенопласта. Он представлял собой некую коробочку, размером с половину обувной, из которой торчала ниточка с красным кончиком. Если потянуть за ниточку, то ее объем увеличивался на глазах в четыре раза и превращался в некую жилую ячейку. Идея заключалась в том, что такие компактные контейнеры перевозятся на самолетах, сбрасываются на парашютах – они моментально надуваются, расхлопываются и превращаются в жилые помещения, в которых можно поселить множество бедствующих людей. Гуманитарная идея, забавно вспомнить...»

«...После трех лет службы по распределению был предпринят решительный шаг – увольнение по собственному желанию. Стимула присутствовало два: первый – желание иметь автомобиль; второй – необходимость довести до жилого состояния полученную тогда квартиру и обустроить ее хоть какими-то самодельными устройствами для жизни наподобие мебели. Добровольное увольнение из ГипроНИИ сроком на шесть месяцев – шаг, по тем временам, вызывавший немые вопросы: «А как же пенсия? А как же прерванный стаж? А как же больничные?..» Из этих шести месяцев три было проведено в Нижегородской области, где славно поработали на колхоз-миллионер, а еще два – на завершение ремонта собственной трехкомнатной квартиры, уже года полтора прозябавшей в состоянии мало пригодном для жизни. Осень 82-го была прекрасна: родилась еще одна дочь, во дворе новенький белый «жигуленок», самодельные интерьеры отремонтированной квартиры вовсю хвалят друзья, пресса и московское телевидение.»

«...Так совпало, что, вернувшись в Москву, я получил предложение срочно сделать интерьеры для московской штаб-квартиры международного фонда «За выживание и развитие человечества». В этот фонд с американской стороны входили г-да Сорос и Форд, а с российской – академик А.Д. Сахаров,

находившийся тогда в Нижнем, и академик Е.П. Велихов. Сделанная, как всегда, за одну ночь концепция интерьера понравилась руководству фонда, надо было браться за реализацию. Поскольку тогда не было никакого импорта материалов, за керамической плиткой или любым другим пустяком приходилось по вечерам ходить в Мосгорплан на последний этаж Моссовета, чтобы получать наряды на «дефицит». Трудно сейчас представить те времена, когда ничего не было, когда светильники-прищепки (они до сих пор там висят) были куплены мной в магазине «Свет» на улице Кирова по 16 рублей – из них мы умудрились сделать светильники направленного света. Это сегодня их много, а тогда-то все придумывалось впервые... Я очень нежно отношусь к этой работе и мне, наверное, хотелось бы, чтобы обо мне судили более по ней, чем по какой-нибудь другой. Да, конечно, там другие светильники и не та мебель, которую я задумывал. Да, многое испорчено поздними вмешательствами, но, как несбыточная мечта, живет надежда произвести там ремонт и восстановить первоначальный замысел. С этой работы начинается для меня отсчет объектов в уже двенадцатилетней истории моей независимой архитектурной практики, потому что в отношении абсолютного большинства остальных двухсот проектов уместнее говорить «мы» – всегда либо кто-то помогал мне, либо я кому-то.

(Даже у интерьеров сегодняшней квартиры на Ленинском, в которой мы живем, два автора: Таня и я. А в Фонде я один, так вот...)

Эта работа стала косвенной причиной того, что я стал одним из учредителей одного из первых кооперативов, получившего название «Контур». Те самые люди, заказавшие мне бары в Измайлово и ставшие не без моей помощи подрядчиками Фонда, начали вместе со мной ходить вечерами в Моссовет, а потом и без меня, и вскоре мы стали распоряжаться неработающей фабрикой очечных оправ на Малой Семеновской. Еще через несколько недель там развернулось производство малярного валика по три рубля, полиэтиленовых пакетов, бывших тогда в дефиците, каких-то трикотажных кофточек и еще чего-то. Я, кроме статуса учредителя и члена правления, имел еще должность архитектора фирмы № 001 – «Архитектурное бюро». «Контур» развивался настолько интенсивно, что на глазах превращался в многопрофильный холдинг. Полтора года спустя, когда мы всей командой покинули его, я видел печати фирмы с номером 063. «Контур» явился кузницей кадров и первой стартовой площадкой для покидавших госучреждения начинающих предпринимателей. И сейчас запись с упоминанием этого кооператива имеется в трудовой книжке у многих ставших известными представителей делового мира.»

Многофункциональный торгово-офисный комплекс «МИРАКС-ПЛАЗА» на Кутузовском проспекте

Деловой центр «ЭРМИТАЖ ПЛАЗА» на углу Краснопролетарской улицы и Садового кольца

ЖИЛОЙ ДОМ во 2-м Тружениковом переулке на Саввинской набережной р. Москвы

Андрей Боков

Когда я думаю о Сергее, у меня никогда не получается вспомнить один отдельный эпизод нашего общения. Для меня гораздо большую ценность представляет ощущение личности в целом, тем более, что для меня это ощущение является уникальным.

Год назад, в печальный день, я говорил о том, что он, бесспорно, был лучшим среди нас, и лучшим среди всех, кого я знал. Так оно и было, без преувеличения. Он был действительно очень удачлив, был баловнем судьбы, но это было очень справедливой наградой за его профессиональную и человеческую одаренность, за его труды. За все то, что он собой являл. Это первое, о чем я хочу сказать.

И вот прошел год, а мы продолжаем получать от него некоторые послания. И они очень активно обсуждаются... Я имею в виду проекты, которые им были созданы и не до конца воплощены в жизнь. Это и проект благоустройства в Латвии, под Ригой, который совершенно заслуженно был оценен на первом фестивале по Зеленому строительству. Это получившая на «Зодчестве 2010» премию «Татлин» и опубликованная в прошлом номере газеты «СА» работа для Севастополя. И то, и другое — это вещи очень высокого класса. И то, и другое — одновременно вещи и очень Киселевские, и очень самостоятельные. Это очень хорошая архитектура. Он никогда не был склонен к завышенной самооценке, он был чрезвычайно скромным несмотря на то, что он делал такую точную и выверенную архитектуру. Это его отношение к себе мне всегда было очень близко. То есть — пусть судят и говорят другие. И сегодня, думаю, можно с уверенностью сказать, что он не сделал многое из того что он мог бы, но то, что он сделал это работы очень высокого уровня.

Отвечая на банальный вопрос о том, какие факторы должны сойтись, чтобы вырос архитектор такого масштаба как Киселев, хочу сказать, что это некое согласие внутренних и внешних обстоятельств. Это готовность личности, совершенно фанта-

стическое трудолюбие, талант, интеллигентность, ум и еще раз невероятное трудолюбие.

Сергей был человеком, который не делил свою деятельность на высокое и низкое. Я помню, как он с упоением рассказывал, как в молодости работал дворником. Вставал в пять утра, чистил и подметал. Но это не было эпизодом. Это не мальчик, который вышел чистильщиком ботинок, а потом получил наследство от богатого дяди и стал миллионером. Нет, это другая история, это образ жизни.

От всего, что он делал, он старался получить удовольствие. Но все дается трудом, и Сергей подтвердил это правило. Он великий труженик. (Никак не получается говорить о нем в прошедшем времени). Ему было свойственно совершенно фантастическое трудолюбие плюс его умение правильно трудиться в нужном направлении. Ну а потом, конечно, были внешние обстоятельства — в чем-то ему очень везло. И что значит — «везло»? Везло с людьми, которые встречались на его пути, с людьми, которых он считал своими учителями и которых с благодарностью всякий раз вспоминал, что само по себе редкость.

Конечно, будучи очень энергичным человеком в расцвете сил, он получил массу возможностей в связи со сменой социально-политической системы в стране. В других обстоятельствах, наверное, он не был бы так ярким, так успешным и так естественным. Мне кажется, что он в значительной степени использовал тот шанс, который дала ему жизнь.

И еще один нюанс: он был очень умным, очень тонко чувствующим человеком, он довольно точно оценивал себя. Есть люди, одаренные скромным талантом, которые любят говорить о своем творчестве — вот это всегда вызывает во мне труднопреодолимые сомнения. Он же был прямо противоположным человеком. Он относился к себе очень сдержанно, в нем не было никакого высокомерия, хотя он больше, чем кто-либо другой, имел право и на менторство, и на какую-то позу. Это признак воспитанности, ума. Я думаю, что все это дается в семье. Это воспитание. Он был таким с детства. Он был хорошим человеком.

Если говорить о его творчестве, то мне трудно выделить из общего ряда какую-то одну его работу. Я ловлю себя на мысли, что мне нравится все. Вот сейчас я смотрел на Рижский проект и вновь восхитился его остроумием и точностью. Я снова увидел севастопольский проект, и, понимаете, я еще раз все это оценил изнутри. Я представляю, сколько усилий стоила эта кажущаяся естественность. То есть, как надо было убеждать и убедить людей, чтобы были приняты эти неожиданные, непривычные, нетрадиционные решения. Сергей был, вне всякого сомнения, человеком, способным воспитывать заказчика. Умел он и выбирать заказчика. У него была эта возможность, поскольку архитектором он был очень востребованным, и потому имел право от чего-то отказаться. И умел это делать.

Я часто думаю и говорю о нем, как о живом. И на самом деле, его место в моей душе и мыслях никогда уже не будет заполнено. Для меня это персональная очень тяжелая утрата. Я видел в нем своего преемника. Он очень много сделал для Союза и для того, что я называю социальным. Он был социальным объединителем, и это не было посредничеством. Это было очень сильное стремление собрать всех в интересах профессии. И, безусловно, он вызывал доверие будучи человеком фантастического обаяния. В нем было настолько много шарма, что в него нельзя было не влюбиться.

Он был очень близким для меня человеком. Я относился к нему как к младшему брату. И, кроме того, у меня долгое время было ощущение, что вокруг меня почти не было гармоничной среды. И появление такого человека как Сережа было огромной радостью и ценностью. Человек понятный мне действиями, отношением к жизни, к работе, к архитектуре и ко многому прочему. Более того, он воспитал очень многих. К нему тянулись те, кто сейчас на слуху. Но Сережа был очень гармоничным, умел уравнивать, в отличие от тех же Сергея Скуратова или Бориса Левянта.

Не могу сказать, что наши отношения складывались быстро, легко и просто. Это было медленное вращение, срастание. Мы существовали и существуем вместе.

Тем более, что просто сделать один сильный жест, однажды решиться на него — этим похвастаться могут многие. Но способность в течение длительного времени заставлять себя двигаться — удел единиц. А этот человек ни разу за свою жизнь не сфальшивил. На моей памяти он не сделал ни одного ложного поступка, жеста, не произнес ни одного ложного слова. Это бывает очень редко. Ничто в нем не вызывало раздражения, неприятия — ни в архитектуре, ни в поведении. Почти уникальная ситуация. И можно подумать, что он был идеальным. Конечно, нет. Он был таким же как и мы... Но... оптимально честным с собой и с окружающими. Для него это была форма комфортного существования. Думая о нем, я лишний раз убеждаюсь, что быть порядочным и честным — в чем-то проще и естественнее. Меня всегда пугает состояние людей нечестных и неупорядоченных. Глядя на них, я думаю: «На что же ты себя обрекаешь... Как же тебе тяжело ночами...»

В прошлом году Союз архитекторов совместно с мастерской Сергея создал премию имени Киселева. Награждаются этой премией те, кто опирается на те же ценности, на то же отношение к профессии, к коллегам, которые демонстрировал Сережа.

Определить таких людей одновременно и просто, и сложно. Мне кажется, эти люди из толпы очень выделяются, они как ангелы светятся.

Он вот такой был.

Виктор Логвинов

Прошло уже больше года, а вот эта боль утраты — она не проходит и чувство того, что его не хватает — оно остается... Сергей Борисович был человеком уникальным, наверное, прежде всего потому, что он при душевной искренности умел сочетать интересы свои, своей семьи, своей компании и общественные интересы Союза. При том, что он был одним из самых талантливых архитекторов и самым первым стал работать именно по-западному, и работать, передавая прежде всего особое внимание организации работы мастерской.

Деловой центр «ВИВАЛЬДИ-ПЛАЗА»
на территории ЗАО «Московский фурнитурный завод»

Многофункциональный комплекс
в Санкт-Петербурге

Деловой центр «МОРОЗОВ»
на территории ЗАО «Красная Роза 1875»

При этом у него всегда было ощущение, что он должен сделать что-то для общества, что он обязан работать в Союзе для коллег. Это редкое качество. В основном люди, которые идут работать в Союз, преследуют свои какие-то корыстные цели. В данном случае это было абсолютно не так. У него было все. Ему не нужно было что-то доказывать на общественном поприще, он уже все доказал своей работой. И, тем не менее, он трудился не покладая рук и честно работал на Союз, осознавая не только необходимость такой работы, но, скорее всего, осознавая свой некоторый долг перед Союзом. Да и сам он не раз говорил о том, что он всем обязан Союзу. И тем, что у него было такое имя, которое прозвучало на конкурсах «Золотое сечение», «Зодчество», то есть на конкурсах Союза. В тот период, когда конкурсов на получение заказа практически не было. Он осознавал, что общение в Союзе, работа в Союзе не только необходима обществу, но и ему дает многое – и знания, и умение, и сопричастность к некоему коллективу, который имеет определенную силу и авторитет. Поэтому, вот это, наверное, самое яркое, что характеризует его общественную деятельность.

У Окуджавы есть хорошее выражение: «Каждый пишет, как он дышит». Так вот, Сереева архитектура была такая же организованная, такая же четкая, такая же строгая в какой-то степени, как и его отношение к жизни и к работе. Формально выражаясь, его мастерская работала как часы. Абсолютно все его произведения были такими же четкими как часы, и продумано в них было все до мелочей. В них очень четкая структура, и он всегда очень тонко чувствовал эту структуру. Особый вид мышления – системное – всегда находил отражение в его работах. Да, его здания, может быть и не такие эффектные, яркие и броские, как у других архитекторов, но внутренняя интеллигентность, внутренняя четкость, организованность всегда в них очень четко ощущаются.

Я помню, как мы познакомились – произошло это в 80-е годы, когда внутри советской системы начиналось движение по организации полузапретных творче-

ских мастерских, которые практически были частными. Но тогда об этом нельзя было говорить вслух, поэтому организовывались они все под крышей Союза архитекторов в качестве организаций СА. Хотя они были на полном хозрасчете и служили прообразами появившихся через несколько десятилетий частных мастерских. Вот тогда мы с ним и познакомились на комиссии, которая выбирала тех достойных людей, которые не подведут Союз и могут работать под его брендом. Это был прообраз сегодняшней квалификационной аттестации. В том далеком восьмидесятом году Сереева был самым молодым из нас, но блистал тем, что прекрасно знал систему организации работы в Америке. Он работал тогда в основном с западными заказчиками, которые ценили в нем не только организованность, но и в то же время знания той системы, в которой они привыкли работать.

Мы очень много работали вместе – он 2 срока подряд был у меня первым вице-президентом, но я не могу сказать, что был его другом. Просто Сереева был очень душевным и доброжелательным человеком и, это было для меня вполне достаточно. Наше общение было легким, и даже если случались какие-то разногласия, он всегда создавал условия для спокойного и интеллигентного разрешения этих вопросов. И общение с ним было удовольствием.

Несомненно, что Сергей с внешней легкостью сочетал в себе качества Человека и Профессионала. Неординарные люди рождаются в любые времена, даже в самые жестокие, и условия обычно по-разному влияют на личность, хотя я не могу сказать, какие собственно условия нужны для того, чтобы вырастить гения, и какие для формирования просто талантливых людей. Они рождаются таковыми. Но его личная биография, наверняка, имела несколько критических точек, которые повлияли на его судьбу. Это прежде всего работа в одной из лучших организаций того времени – начало его творческой деятельности – Институт Академии Наук. По объективным критериям там собирались очень интересные люди и очень интересные работы. Во-вторых, его работа с ино-

странными коллегами и стажировка в США, блестящее знание языка, ну и (еще раз повторюсь) внутренняя организованность, интеллигентность, четкость мышления. Вот эти составляющие... Да, скорее всего он не смог бы так себя проявить, если бы его становление не пришлось на период, когда появилась возможность работать и как бизнесмен, и как руководитель творческой мастерской.

Были у него работы и такого высокого уровня, как проекты реконструкции знаковых сооружений в Кремле, которые ему доверяли потому, что знали – этот человек не подведет, этот человек сделает все на высшем уровне. Не смотря на то, что это была маленькая частная или получастная мастерская, которая ютилась где-то в полузаброшенном доме, в Кадашевских переулках. Действительно ютилась – на 50-ти метрах сидело десяток архитекторов. Но, тем не менее, им доверяли государственные заказы самого высшего уровня, потому что знали, что это самая надежная в Москве компания.

Оглядываясь назад, я могу совершенно определенно сказать, что Сергей Борисович, это человек, который, безусловно, вошел в Историю. Он один из первых архитекторов Москвы и России, который начал работать по-новому и открыл новые пути для других. Он был неким лидером, неким первооткрывателем, за которым потом пошли все. Он был первым. Абсолютно ясно, что все остальные частные архитекторы, которые сейчас процветают – и Плоткин, и Воронцов – все они пошли уже потом по протоптанной Киселевым дороге. А то, что он оставил в качестве архитектурного наследия – оно, безусловно, еще долгие годы будет образцом четкости, ясности, высокого профессионализма и красоты.

Кстати, только после его смерти стало известно, что он тихо, без афиши, вел огромную благотворительную деятельность, которая заключалась в том, что он помогал практически всем, кто к нему обращался за помощью. Это были десятки людей и они, наверное, уже отдадут свой долг его семье. Пожалуй, во многом это влия-

ние Дмитрия Лукаева, который говорил, что Союз это такое место, в которое любой, кто приходит за помощью, должен эту помощь получить. Вот это ощущение своей причастности и возможности, и в тоже время долга перед обществом было одной из отличительных черт Сергея Борисовича. Насколько я знаю, сейчас Татьяна, вдова Сергея Борисовича, несмотря на определенные трудности, организует фонд имени С.Б. Киселева, который должен продолжать эту традицию.

Михаил Мамошин

Исполнился год, как с нами нет Сергея Борисовича Киселева. Говорят, что, по истечении года скорбь утраты становится меньше, но, к сожалению, это далеко не так – боль утраты также остра. Весь год меня преследуют стихотворные строки из русской классики: «Какой светильник разума угас! Какое сердце перестало!» – будто написанные сегодня и про него.

Творчество С.Б. Киселева – яркое цельное явление российской архитектуры конца XX-начала XXI века. Он рано стал Мастером и был неоспоримым лидером архитектурного процесса в период становления новой российской архитектуры, когда закладывался фундамент архитектуры текущего момента с эстетической, экономической и организационной сторон. Его влияние на этот процесс было столь очевидно, что если бы он не жил в это время, то наша современная российская архитектура была бы какой-то другой.

Была бы, вероятно, лучше и жизнь нашего профессионального сообщества сегодня будь с нами Сергей Борисович этот год, т.к. кроме лидерства в профессиональной деятельности, он был лидером в личностном формате – его уважали еще и «по гамбургскому счёту». Не случайно в период перемен в руководстве Союза архитекторов России, он был востребован как первый Вице-президент САР, очень многое хотел и начал менять в жизни Союза, но...

Многофункциональный комплекс
«Кронштадтский»

Музей им. М.И. Глинки

Торговый центр в Химках

Сергей Борисович очень любил Петербург, пользовался каждой возможностью побывать в городе. Он вошел в историю современной архитектуры Петербурга своими яркими конкурсными работами: Вторая сцена Мариинского театра, Морской пассажирский порт и другими. Очень жаль, что ему так и не удалось ничего построить в Петербурге, о чем он так мечтал.

Сергею Борисовичу были присущи талант, порядочность, честность, обаяние, открытость, профессиональная и душевная щедрость, искреннее отношение к коллегам, любовь и преданность семье – такое сочетание качеств редко можно встретить в одном человеке. Он навсегда останется для меня, а вероятно, и для многих из нашего поколения эталоном Архитектора и Человека. Талант дружить еще одно редкое качество, которым он был наделен. Мне повезло оказаться вовлеченным в орбиту его Личности и быть его другом. Утрата его светлой энергии притяжения невосполнима.

Игорь Шварцман

Годовщина – это хотя и печальный, но повод собрать и упорядочить свои обрывочные мысли, всплывающие воспоминания, сумбурные размышления и поспешные выводы.

Привести все это к такому состоянию пусть неустойчивого, но равновесия, когда уже можно что-то сказать и самому себе и другим. Именно сказать, а не выплеснуть на волне естественных и понятных человеческих эмоций горечь потери в первый, девятый, и даже сороковой дни.

Я ловлю себя на мысли, что не вспоминаю Сергея, а просто с ним общаюсь. Иногда «полувслух» в кабинете, под спокойным взглядом с фотографии. Но чаще, про себя и в совершенно разных ситуациях: радостных, грустных, скандальных, да и просто идиотских. Но всегда возникает одно и то же назойливое ощущение: как же тебя не хватает.

Ты знаешь, я старался не загружать тебя лишними проблемами, освободить от рутины ради того, чтобы ты занимался тем, что делаешь лучше других. Только ты привносил в нашу компанию такую хрупкую ценность, как Равновесие. Ты умел слушать и слышать всех, даже тех, с кем по твоему же выражению, на одной поляне не следует [...]. Но ты их выслушивал, хотя бы для того, чтобы я мог позволить себе роскошь необщения с ними.

Ты был буфером между нами – твоей командой – и внешним миром, как умел, ограждал от неприятностей, неудобств, неуютностей. Мы же, как могли, старались тебя не подводить.

Ты не был в буквальном смысле художником в архитектуре – для этого твой талант слишком рационален. Ты не рисовал объект, ты его строил в голове, потом переносил методично препарированную структуру на бумагу. И в то же время ты обладал отменным вкусом, острым чутьем и потрясающей интуицией. Эти качества практически безошибочно помогали тебе делать выбор в пользу «окончательного архитектурного решения».

Вспоминаю, как часто и не один год, ты старался выговориться по большой для тебя теме – самоидентификации себя как Архитектора, рефлексировал по поводу невозможности по самым разным причинам чувствовать себя автором в каждом выходящем из мастерской проекте. Ты нашел компромисс, выведя формулу авторства в звуках насвистанной тобой мелодии. На какое-то время это обеспечило тебе некую внутреннюю уравновешенность. Но успех, вал работы и многое-многое так захлестывали, что уже ни на что не хватало времени.

Я вспомнил эти разговоры, когда недавно перечитал некоторые твои статьи и интервью. В них ты говоришь уже осознанно, спокойно и с легкой иронией о своей роли в компании и вообще в Архитектуре, почти освободившись от гнетущих терзаний по поводу персонального художественного творчества.

Ты не сразу, но принял роль «художественного руководителя» творческого (да и не только творческого) коллектива, не видя для себя возможности и желания оставаться просто автором отдельно взятого проекта. И хотя ты и порывался в сердцах бросить всю эту суету, достать кальку и попроектировать от души, но было понятно, что в чем-то – это позволительное тебе кокетство, а и вполне оправданное желание заматанного и даже загнанного человека.

Прокручивая назад время, отчетливо вижу на тебе печать этой загнанности, особенно в последний год: кризис, работа, семейные проблемы, общественная деятельность – на все это уже наложилась медленно разрушающая тебя болезнь. Ты ее чувствовал, а в какой-то момент ты вообще, я думаю, понял все – что бы ни говорили, и как бы ни оберегали. Ты держался, как всегда: интеллигентно, сдержанно, достойно.

Ты оставил после себя творческое наследие, которое выражается не только (и не столько!) в проектах, постройках и идеях, сколько в потенциале людей, которые работали рядом с тобой и твоим именем.

Ты справедливо гордился – и говорил об этом все время – придуманной нами 20 лет назад системой управления компанией, распределением полномочий и ответственности между нами, вплоть до управленческой взаимозаменяемости и профессиональной взаимодополняемости.

Так оно и было, но...

Архитектурная мастерская «Сергей Киселев и Партнеры» настолько персонифицирована, что без тебя она не сможет оставаться такой же, как была. Она, конечно, меняется. Как, впрочем, и всевозможные предлагаемые извне обстоятельства.

Однако, несмотря ни на что мы продолжаем жить и работать. Без тебя, но с твоим именем, которое мы за этот год не опозорили, и я не вижу никаких препятствий этому и впредь.

Евгений Цыкановский

Сергей Борисович Киселев... Вот уже год, как его с нами нет. И чем больше времени проходит, тем больше становится горечь утраты. Утраты человека, утраты Мастера. Эмоции переполняют, но сейчас уже можно систематизировать свои воспоминания. Вообще, при общении с Сергеем Борисовичем мне всегда подспудно вспоминались слова из песни Булата Окуджавы: «Как умеют эти руки эти звуки извлекать?» С одной стороны это был очень простой, доступный, добрый человек, обладающий врожденной интеллигентностью, широчайшим кругозором, умением, подмечая детали, видеть целое, с другой стороны – совершенно гениальный архитектор, с третьей стороны – опытный, твердый руководитель, с четвертой стороны – человек неравнодушный к цеху архитекторов, к его общественному положению, с пятой стороны – Учитель, воспитавший не одно поколение молодых архитекторов, с шестой, с седьмой, с двадцатой... Он ассоциируется у меня в голове с чистейшим многогранным кристаллом, каждая грань которого, переливаясь отдельным светом, тем не менее, является гранью целого – его личности. Это очень несправедливо, что он ушел. Сколько он всего не доделал, скольких не доучил, какое же количество людей больше не будет иметь счастье быть с ним знакомым... да, с его творчеством, да с той застывшей музыкой, в создании которой он был Мастер, но не с ним... Бедные, жалко их... Он останется не только в наших сердцах, в наших душах. Мы тоже уйдем, но останутся его Творения. В них он переживает нас.

Я многое не успел ему сказать. Если честно, то иногда разговариваю с ним внутри себя. Спорю, соглашаюсь, привожу аргументы... Все как в жизни, все как тогда – два, три, четыре года назад. И каждое воспоминание о нем, каждый взгляд на сотворенные им шедевры, каждое общение с людьми, близко знавшими его оставляет в душе чувство утраты. Светлая память!

